

УДК 343.237+343.9

**СОВМЕСТНАЯ
ПРЕСТУПНАЯ КОРРУПЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ****Кирилл Николаевич Стрельников**

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, polysszolotta@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты совместной коррупционной деятельности как сложного, многомерного и многоуровневого социально-криминологического феномена. Анализируется институт соучастия в преступлении, который регламентируется нормами уголовного права и служит юридической основой для квалификации и привлечения к уголовной ответственности каждого из соучастников. Обосновывается тезис о том, что совместная коррупционная деятельность не сводится к соучастию в преступлении и по своему содержанию является более широким криминологическим феноменом. Сделан акцент на понятии «совместности участия» как системообразующем признаке, определяющем структуру и общественную опасность совместной коррупционной деятельности. Проводится систематизация участников совместной коррупционной деятельности по их функциональным ролям (носители властных и управленческих полномочий, бенефициары, посредники, консультанты, физические лица и (или) контрагенты должностных лиц). Рассматриваются различные виды коррупционной выгоды, как материальной, так и нематериальной, которые выступают ключевыми мотивационными факторами вступления в коррупционные отношения. В рамках исследования разработано авторское понятие «совместная коррупционная деятельность», которое позволяет глубже понять ее сущность и особенности функционирования.

Ключевые слова: коррупция, совместная коррупционная деятельность, соучастие в преступлении коррупционной направленности, коррупционный сговор, коррупционные практики, коррупционная сделка, коррупционное взаимодействие, корыстная мотивация, совместность участия

Для цитирования: Стрельников К. Н. Совместная преступная коррупционная деятельность: понятие, сущность и признаки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 173—181.

**JOINT CRIMINAL CORRUPTION ACTIVITIES:
CONCEPT, NATURE, AND CHARACTERISTICS****Kirill Nickolaevich Strelnikov**

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, polysszolotta@yandex.ru

Abstract. The author of the article examines the key aspects of joint corruption activity as a complex, multi-dimensional, and multi-level socio-criminological phenomenon. He analyzes the institution of complicity in a crime, regulated by criminal law and serving as the legal basis for qualification and prosecution of each of the accomplices. The author substantiates the point that joint corruption activity is not limited by complicity in a crime and, in its content, is a broader criminological phenomenon. Emphasis is placed on the concept of "joint participation" as a system-forming characteristics to determine the structure and social danger of joint corruption activity. The author of the article systematizes participants in joint corruption activities according to their functional roles (representatives in power and management, beneficiaries, mediators, consultants, individuals and / or counterparties of officials). In the article, the author considers various types of corruption benefits, both material and non-material, to be key motivating factors for engaging in corruption relationships. In his research, he develops the author's own concept of "joint corruption activity", which gives an opportunity to understand its essence and functioning specifics more detailed.

Key words: corruption, joint corruption activity, complicity in a corruption-related crime, corruption conspiracy, corruption practices, corruption transaction, corruption interaction, self-interest motivation, joint participation

For citation: Strelnikov K. N. Joint criminal corruption activities: concept, nature, and characteristics. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 173—181, 2026. (In Russ.).

Коррупция, как одно из наиболее общественно опасных и широко распространенных противоправных явлений современности, представляет собой сложный объект криминологического изучения. Традиционно исследования в области криминологии акцентировали внимание на изучении отдельных проявлений коррупционных преступлений, анализе личностных характеристик субъектов коррупционного поведения (социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических), а также на разработке превентивных мер уголовно-правового и криминологического характера. Вместе с тем в научных трудах все чаще отмечается, что значительная часть коррупционных деяний носит коллективный характер и происходит в рамках совместной преступной деятельности нескольких лиц [1, с. 252; 2, с. 27; 3—5]. В результате развивается новый вектор криминологических исследований, направленный на выявление и анализ групповых и организованных форм коррупционной деятельности в целях повышения эффективности профилактических и репрессивных мер в борьбе с указанным негативным явлением.

Совместная коррупционная деятельность (далее — СКД) представляет собой специфическую форму совместной преступной деятельности, характеризующуюся участием нескольких лиц, объединенных общей корыстной целью и организованными действиями, которые направлены на достижение преступного результата, и (или) преступную деятельность групповых образований либо организованных преступных формирований. В то же время СКД — это многоаспектный феномен, включающий разнообразные формы и виды преступных действий, которые характеризуются широким спектром устоявшихся коррупционных практик. В контексте настоящего исследования «*коррупционные практики*» — устойчиво воспроизводимые, социально укорененные модели коррупционного поведения, проявляющиеся в типичных и институционализированных способах использования публично-властных и управленческих полномочий, авторитета занимаемой должности и сопряженного с ними ресурсного потенциала, а также основанных на них формальных и неформальных связей в целях обмена материальными и нематериальными выгодами между участниками коррупционного взаимодействия в обход либо вопреки установленным законом процедурам, рег-

ламентам и публично декларируемым нормам служебного и профессионального поведения.

Необходимо отметить, что понимание и исследование данного феномена невозможно без анализа института соучастия в преступлении, который регламентируется нормами уголовного права и служит юридической основой для квалификации и привлечения к уголовной ответственности каждого из соучастников. В контексте СКД этот институт приобретает особое значение, поскольку коррупционные преступления часто совершаются коллективно, посредством распределения ролей и координации преступных действий. СКД при этом не сводится к соучастию в преступлении, а представляет собой самостоятельный криминологический феномен, требующий отдельного научного изучения и описания, а также законодательного регулирования деятельности, направленной на противодействие указанному негативному феномену с учетом современных тенденций и перспектив развития. Это обусловлено тем, что указанная преступная деятельность может проявляться в различных формах, не всегда соответствующих классической модели соучастия, которая неприменима к ситуациям, где участники, хотя и действуют совместно, являются субъектами разных составов преступлений либо их деятельность криминализована как самостоятельное уголовно наказуемое деяние (ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)). Например, дача взятки (ст. 291 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ) являются самостоятельными составами преступлений, предусмотренными уголовным законом. Взяткодатель и взяткополучатель, вступая в коррупционный сговор, совершают согласованные действия, направленные на достижение преступной цели. Однако с точки зрения уголовного права их действия не образуют соучастия в преступлении. В случае коррупционного сговора между указанными лицами речь идет о совместной коррупционной деятельности, основанной на предварительной договоренности, совместности участия и согласованности действий, но при этом дача и получение взятки квалифицируются как самостоятельные составы преступлений с разными субъектами и разными уголовно-правовыми последствиями.

В настоящее время законодательное определение понятия соучастия закреплено в ст. 32 УК РФ, согласно которой «*Соучастием в преступлении*

признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Проанализировав законодательную дефиницию, можно выделить признаки, присущие совместной преступной деятельности, вытекающие из содержания ст. 32 УК РФ, которые в теории уголовного права традиционно подразделяются на объективные и субъективные [6, с. 253—254]. Так, к субъективным признакам относится «умышленный характер совместного участия в совершении умышленного преступления». В свою очередь, объективными признаками выступают «совместность участия» и «участие в совершении умышленного преступления двух и более лиц».

Приступая к непосредственному исследованию признаков соучастия в преступлении, необходимо отметить, что основополагающим и системообразующим объективным признаком СКД выступает именно «совместность участия». Данный признак предопределяет специфику всех остальных элементов, составляющих структуру данного феномена, и оказывает доминирующее влияние на его общественную опасность. Традиционно признак «совместность участия» в теории уголовного права анализируется с учетом двух основных аспектов — объективного и субъективного. Объективный аспект включает в себя фактическое, внешне проявленное взаимодействие соучастников преступления, выраженное через единство преступных усилий соучастников, направленных на достижение общего для всех преступного результата, наступление для всех соучастников общих и осознаваемых ими общественно опасных последствий, а также наличие между деяниями соучастников причинной связи [7; 8]. В свою очередь, субъективный аспект отражает внутреннее, психическое состояние соучастников — их сознание, волю, общее понимание преступных намерений и согласованность преступных действий для достижения общей противоправной цели [9, с. 104; 10, с. 17; 11].

Такой двойственный подход является классическим и позволяет комплексно оценивать наличие или отсутствие совместности в конкретных уголовно-правовых ситуациях. Тем не менее, несмотря на многолетние исследования и значительный массив научных публикаций, содержание признака «совместность» в уголовно-правовой доктрине продолжает оставаться предметом научной дискуссии и неоднозначного толкования.

Неопровержимым является тот факт, что лица, принимающие участие в СКД, совершают единое, общее для всех них уголовно наказуемое деяние,

в основе которого прослеживается «двухсторонняя или многосторонняя субъективная связь», так как при односторонней связи совершить данные деяния в соучастии невозможно. Указанная связь является результатом особого соглашения о совместном совершении преступления [12]. В данном случае речь идет именно о наличии между участниками СКД «коррупционного сговора», который невозможно рассматривать как простое или случайное взаимодействие между лицами, участвующими в преступлении. Напротив, он представляет собой особую, устойчивую и осознанную форму соглашения, основанного на взаимном согласии и целенаправленности действий, направленных на достижение преступной коррупционной цели. Ключевым аспектом в понимании коррупционного сговора при этом является его предшествующий характер по отношению к фактическому совершению преступления коррупционной направленности [13, с. 379].

В отдельных ситуациях сговор может носить неявный, имплицитный характер, базируясь на взаимном понимании и общности коррупционных интересов участников СКД, либо существовать в виде прямого или косвенного «инструктажа», который выполняет функцию приобщения к коррупционной субкультуре. В этом случае лица в прямой или завуалированной форме разъясняются неписанные «правила игры», языковые коды и эвфемизмы, принятые в коллективе.

В то же время СКД как криминологическая категория шире, чем соучастие в преступлении, поскольку охватывает и такие случаи, когда преступные деяния разных участников объективно взаимосвязаны и функционально дополняют друг друга (объективно включены в единый коррупционный механизм), но между ними отсутствует необходимая «двухсторонняя субъективная связь», требуемая для признания соучастия в уголовно-правовом смысле. Уголовная ответственность таких участников наступает независимо от их осведомленности о действиях иных лиц, вовлеченных в СКД, а также о времени, месте, способе и иных обстоятельствах планируемых либо совершаемых преступлений коррупционной направленности.

В частности, в контексте функционирования «коррупционной сети» (под которой в настоящем исследовании предлагается понимать устойчивую совокупность формально и неформально связанных между собой должностных лиц, представителей бизнес-сообщества, посредников и иных акторов, взаимодействующих на основе стабильных коррупционных связей и использующих принад-

лежащие им властные, управленческие, финансовые и иные ресурсы для систематической организации, реализации и прикрытия различных коррупционных практик) каждый ее участник может быть функционально «привязан» к определенному этапу преступной деятельности или к отдельному участку («фронту») работы — например, к установлению неформальных контактов с представителями органов публичной власти, подготовке и легализации документов, обеспечивающих видимость правомерности решений, организации финансовых потоков и распределению получаемых выгод либо к информационному или организационному сопровождению коррупционных сделок. Это, с одной стороны, усиливает скрытность и устойчивость совместной коррупционной деятельности, а с другой — предполагает индивидуальную уголовно-правовую оценку поведения каждого участника сети, который несет ответственность за тот этап и тот «фронт» преступной деятельности, в пределах которого реализован его преступный умысел.

Продолжая изучение объективных признаков соучастия в коррупционном преступлении, отметим, что преступление коррупционной направленности будет считаться совершенным в соучастии лишь в том случае, если в его совершении принимали участие не просто два физических лица, которые в соответствии со ст. 19 УК РФ обладают всеми признаками субъекта преступления, а два и более лица, обладающих признаками специального субъекта (примечание 1—4 ст. 285 УК РФ, примечание 1 ст. 201 УК РФ, а также п. 2 примечания к ст. 290 УК РФ), за исключением деяний, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 204, ст. 204.1, ст. 291, ч. 1, 3—5 ст. 291.1 УК РФ, которым присущ общий субъект.

Вместе с тем состав лиц, вовлеченных в совершение различных групповых или организованных преступлений коррупционной направленности, может существенно варьироваться и включать в себя преступную деятельность разных участников. Так, помимо участников, обладающих признаками специального субъекта, в структуре СКД могут участвовать и лица, не обладающие такими признаками, но оказывающие значительное влияние на процесс или содействующие его реализации (общий субъект).

Рассматривая указанную преступную деятельность как системный феномен, охватывающий взаимодействие различных лиц в ходе подготовки, совершения и сокрытия коррупционных преступлений либо в рамках неформальных коррупцион-

ных практик, необходимо систематизировать участников СКД путем выделения ключевых кластеров. Каждый из этих кластеров характеризуется специфическими социальными, организационными и криминальными признаками, что требует отдельного анализа в целях выявления их роли и степени ответственности в рамках СКД.

Первый кластер включает в себя должностных лиц органов публичной власти или муниципальных служащих либо лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации (к числу которых относятся лица, перечисленные в примечаниях к ст. 201, 285 УК РФ), наделенные специальными управленческими полномочиями или особым правовым статусом.

Второй кластер охватывает представителей бизнес-сообщества, которые, как правило, выступают в роли конечных бенефициаров коррупционного взаимодействия. Это могут быть собственники (акционеры), выгодоприобретатели, «теневые» контролирующие лица, агенты, инвесторы, а также близкие к ним аффилированные лица и т. д. Перечисленные лица выстраивают устойчивые коррупционные связи с должностными лицами для получения экономических, административных и регуляторных преимуществ, недоступных в условиях добросовестной конкуренции. Необходимо отметить, что представители второго кластера могут в ряде случаев совпадать с субъектами, указанными в примечании 1 к ст. 201 УК РФ, однако с точки зрения построения типологии целесообразно считать, что принадлежность к кластеру определяется не столько формально-правовым статусом, сколько выполняемой ролью в коррупционном взаимодействии: первый кластер — лица, использующие управленческие или публично-властные полномочия вопреки интересам службы или организации, второй кластер — лица, для которых эти действия совершаются и которые выступают конечными выгодоприобретателями.

Третий кластер включает в себя физических лиц (действующих от собственного имени и в собственных интересах), которые сами не обладают ни публично-властными, ни корпоративно-управленческими полномочиями, но сознательно иницируют или поддерживают коррупционный обмен ради решения личных вопросов в обход установленного законом порядка. Их преступная деятельность проявляется в том, что такие лица: 1) иницируют дачу взятки ради получения нужного им решения; 2) предлагают незаконное вознаграждение за ускорение или упрощение административных процедур (регистрация, лицензирова-

ние, оформление документов, прохождение очередей); 3) выступают в роли контрагентов должностных лиц и т. д.

Четвертый кластер представляет собой группу посредников и (или) консультантов, представляющих интересы обеих сторон и осуществляющих «лоббирование» интересов участников коррупционного взаимодействия. Представители этого кластера, как правило, не являются ни основными бенефициарами коррупционной сделки, ни формальными носителями управленческих или публично-властных полномочий. Их роль — организационно-коммуникационная: они обеспечивают контакт, договариваются об условиях, «упаковывают» коррупционную услугу в форму легальных или псевдoleгальных действий (консалтинг, лоббистская деятельность, «законное решение вопроса» и т. д.) и обеспечивают сопровождение коррупционной сделки на всех этапах.

Необходимо отметить, что предложенные общи группы (кластеры) служат основой для более глубокого изучения участников СКД, исходя из их статуса и функциональной роли в конкретном уголовно наказуемом деянии.

Следующим не менее важным признаком СКД выступает *«умышленный характер совместного участия в совершении умышленного преступления»*.

Изучение уголовных дел свидетельствует о том, что преступления коррупционной направленности совершаются исключительно с прямым умыслом. Такой позиции придерживается и законодатель. Согласно положениям Указания Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (перечень № 23) (далее — Указание Генпрокуратуры России и МВД России), одним из обязательных признаков преступлений коррупционной направленности выступает *«совершение преступления только с прямым умыслом»*¹.

Эту позицию разделяют также многочисленные исследователи [14, с. 458; 15; 16]. Они сходятся

в том, что преступления коррупционной направленности, исходя из их специфической корыстной мотивации и целенаправленного характера, совершаются исключительно с прямым умыслом. Такой подход основывается на понимании того, что для реализации коррупционных преступных действий необходима осознанность и целенаправленность действий субъекта, который не просто допускает возможность наступления негативных последствий, а стремится к их наступлению ради получения личной и (или) корпоративной выгоды (извлечение незаконной прибыли или приобретение нематериальных преимуществ и (или) привилегий).

Наряду с вышеперечисленным признаку преступлений коррупционной направленности закреплены в Указаниях Генпрокуратуры России и МВД России (перечень № 23). К ним документ относит следующие:

1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (к числу которых относятся лица, перечисленные в примечаниях к ст. 201, 285 УК РФ, наделенные специальными полномочиями или особым правовым статусом);

2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

3) обязательное наличие у субъектов корыстного мотива (деяние связано с получением имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

4) совершение преступления только с прямым умыслом².

Остановившись более подробно на анализе мотивации участников СКД, необходимо отметить, что традиционно в уголовном праве корыстная мотивация коррупционных преступлений обуславливает получение заинтересованными лицами материальной выгоды, например денег, имущества или иных материальных благ. Методы и средства совершения коррупционных деяний часто направлены на незаконное обогащение, что определяет ключевой признак коррупционных преступлений — наличие прямой материальной заинтересованности у участников коррупционного сговора.

Так, профессор Н. А. Лопашенко подчеркивает, что фундаментальным элементом коррупционной сделки является взаимная выгода, получаемая всеми ее участниками, которую необходимо рассматривать в самом широком смысле [17]. Данная выгода может иметь конкретный материальный

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/ (дата обращения: 10.11.2025).

² Там же.

характер, выражаясь, например, в денежных средствах, имуществе или ценных бумагах, что представляет наиболее очевидную форму коррупционного вознаграждения. Однако материальные выгоды не всегда носят прямой и немедленный характер. В ряде случаев они могут быть опосредованными, проявляющимися через предоставление определенных услуг или благоприятных условий, которые в перспективе приводят к получению выгоды. Например, лицо может не получить материальную выгоду непосредственно, но воспользоваться предоставлением более выгодной и высокооплачиваемой должности либо продвижением по служебной лестнице в результате оказанной коррупционной услуги.

Однако в рамках криминологического подхода предмет коррупционных отношений значительно шире: он охватывает не только материальные, но и нематериальные выгоды, которые могут быть предоставлены в результате коррупционной сделки [18, с. 73—74]. Иначе говоря, предмет коррупционных отношений — это не только то, что «передано» в материальном смысле, но и то, ради чего вступают в коррупционную связь (какое преимущество специальный субъект или иной актер получает или ожидает получить в будущем). К таковым относятся различные виды поддержки, не имеющие прямого экономического выражения, но обладающие значительной социальной или политической ценностью, широкий спектр экономических, социальных и политических преимуществ, взаимно извлекаемых сторонами коррупционной сделки, а также иные формы нематериального вознаграждения, которые способствуют укреплению статусных позиций и (или) обеспечению не прямых выгод [19, с. 237; 20]. Например: 1) статусно-репутационные выгоды (благоприятные публичные оценки; поддержка в СМИ; создание позитивного информационного фона и умышленное замалчивание негативной информации); 2) карьерные и профессиональные преимущества (продвижение по службе, назначение на престижную должность, создание «карьерного лифта»; различного рода протекция); 3) социально-политическое покровительство (включение в неформальные элитные сети, доступ к закрытым клубам, кругам влияния); 4) информационные выгоды (предоставление инсайдерской информации; ранний доступ к планируемыми решениям властей).

Нематериальные выгоды, хотя и трудно поддаются количественной оценке, играют ключевую роль в мотивации участников коррупционных сделок и влияют на устойчивость коррупционных

связей. Поэтому с точки зрения криминологического анализа оправдан подход, при котором предмет коррупционных отношений понимается как совокупность любых неправомерно предоставляемых или получаемых преимуществ — имущественных или неимущественных, непосредственных или опосредованных, очевидных или скрытых. Это позволяет точнее описывать реальные коррупционные практики, выходящие далеко за рамки классической «взятки в конверте», и лучше связывать коррупцию с деформацией социальных и государственных институтов.

Обобщая изложенное и основываясь на результатах проведенного анализа, сформулируем собственную составную дефиницию СКД и выделим ее основные признаки.

«Совместная коррупционная деятельность — это сложный, многомерный и многоуровневый феномен, представляющий собой умышленную, целенаправленную и согласованную преступную деятельность двух и более акторов (одним из которых в обязательном порядке выступает специальный субъект) и (или) групповых образований либо организованных преступных формирований, характеризующую взаимной обусловленностью, наличием особых коррупционных связей и отношений, самодетерминацией, секретностью, системностью и устойчивостью во времени, в основе которой лежит особый сговор о совместном совершении преступления или преступлений коррупционной направленности в целях получения незаконной материальной или нематериальной выгоды путем противоправного использования должностным лицом публичной власти или муниципальным служащим либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой либо иной организации, своего служебного положения, властных полномочий или авторитета занимаемой должности вопреки интересам службы или организации, реализуемую через разнообразные коррупционные практики и (или) схемы, в том числе посредством предварительного склонения специального субъекта любыми способами к участию в такой деятельности, приводящую к значительным экономическим, социальным и политическим последствиям, подрыву институциональных основ государственного управления и дискредитации власти».

Указанная преступная деятельность характеризуется следующими признаками:

а) выступает разновидностью совместной преступной деятельности и включает в себя совер-

шение отдельных коррупционных преступлений совместными усилиями нескольких лиц и (или) групповыми образованиями либо организованными преступными формированиями. Именно наличие взаимосвязанной активности нескольких участников, действующих не изолированно, а в рамках общей преступной деятельности, отличает СКД от одиночных коррупционных преступлений;

б) обладает фундаментальной неразрывной связью с институтом соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению;

в) в отдельных случаях СКД может не приводить к соучастию в преступлении в классическом юридическом понимании (ст. 32 УК РФ), поскольку объективная взаимосвязь и функциональная комплементарность действий различных участников не сопровождаются той степенью «двусторонней субъективной связи», которая необходима для признания их преступных действий соучастием в преступлении;

г) включает в себя деятельность специальных субъектов (должностных лиц публичной власти или муниципальных служащих либо лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации) и (или) преступную деятельность общего субъекта путем незаконного предоставления имущественных выгод указанным специальным субъектам;

д) предусматривает связь преступного деяния коррупционной направленности со служебным положением служащих государственных и (или) муниципальных органов либо работниками коммерческих и (или) иных организаций (сознательное отступление от их прямых функциональных обязанностей);

е) в основе СКД лежит особый сговор о совместном совершении преступления или преступлений коррупционной направленности. Сговор может быть как конкретизированным (распределение

ролей, объема выгод, порядка действий), так и более общим, но в любом случае предполагает осознание участниками совместного характера деятельности и наличие общего коррупционного интереса;

ж) содержание СКД составляет совокупность преступных действий, направленных на получение незаконной материальной либо нематериальной выгоды. Речь идет не только о деньгах и имуществе, но и о статусных привилегиях, покровительстве (протекционизме), доступе к различного рода ресурсам, карьерных, служебных и иных преимуществах, предоставляемых в результате коррупционного «обмена»;

з) обладает развитой функциональной наполненностью и структурной организованностью, устойчивым преступным поведенческим стереотипом и различными неформальными коррупционными практиками;

и) может способствовать возникновению, функционированию и видоизменению коррупционных сетей различного уровня и функционального характера;

к) в отдельных случаях включает в себя деятельность лица, выполняющего посреднические функции в уголовно наказуемом деянии коррупционной направленности, выступающего при этом важнейшим элементом преступной системы или коррупционной схемы;

л) представляет непосредственную угрозу национальной безопасности Российской Федерации во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, в том числе способствует развитию организованной преступности;

м) приводит к возрастанию социального релятивизма, расширению масштабов теневой экономики, сдерживанию развития социально значимых процессов в обществе и государстве.

1. Иванова А. А. Коррупционное преступление: подходы к определению // Russian journal of economics and law. 2012. № 3 (23). С. 249-255.

2. Борков В. Н. Необходимое соучастие как признак коррупционного преступления // Государство и право. 2019. № 8. С. 23—30.

3. Икрянникова А. С. Соучастие в коррупционном преступлении (опыт криминологического исследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 22 с.

4. Воробьева М. С. Соучастие в коррупционном преступлении // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам научно-пред-

1. Ivanova A. A. Corruption crime: approaches to definition. Russian journal of economics and law, 249—255, 2012. (In Russ.).

2. Borkov V. N. Necessary complicity as a factor of a corruption crime. State and Law, 23—30, 2019. (In Russ.).

3. Ikryannikova A. S. Complicity in a corruption crime (experience of criminological research). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2016: 22. (In Russ.).

4. Vorobiyova M. S. Complicity in a corruption crime. In: Topical problems of science and practice. Collection of scientific papers based on the

ставительских мероприятий (Хабаровск, 23 июня 2022 г.). Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2022. С. 226—229.

5. Бурлаков В. Н. Понятие коррупционного соучастия и ответственность за него // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 49—58.

6. Уголовное право России. Общая часть: учебник / В. В. Бабурин [и др.]; под ред. Р. Д. Шарипова. Тюмень: Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.

7. Шеслер А. В. Содержание совместности при соучастии в преступлении // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3. С. 342—354.

8. Шеслер А. В., Шеслер С. С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59—65.

9. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. Москва: Юрид. лит., 1974. 208 с.

10. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. Москва: ВЮЗИ, 1958. 98 с.

11. Кухтина Т. В. К вопросу о признаках соучастия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2009. № 40 (173). С. 58—61.

12. Кособродов В. М., Труфанова Е. Г. Коррупционный сговор как проявление необходимого соучастия // Закон и право. 2024. № 10. С. 215—220.

13. Труфанова Е. Г. Квалификация состава соучастия в коррупционных преступлениях // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 378—382.

14. Кузнецова Н. Ф. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Москва: Зерцало, 2002. 624 с.

15. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности: монография. Москва: Учеб.-консультат. центр «ЮрИнфоР», 1998. 296 с.

16. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. Москва: Проспект, 2016. 232 с.

17. Лопашенко Н. А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6. С. 35—40.

18. Усенко А. С., Сейтягьяева Д. А. Актуальные проблемы квалификации взяточничества, предметом которого являются нематериальные

results of scientific and representative events (Khabarovsk, June 23, 2022). Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia: 226—229. (In Russ.).

5. Burlakov V. N. The concept of corruption complicity and responsibility for it. All-Russian criminological journal, 49—58, 2020. (In Russ.).

6. Baburin V. V. (et al.) Criminal law of Russia. General part. Textbook. Red. by R. D. Sharapov. Tyumen: Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia; 2013: 583. (In Russ.).

7. Shesler A. V. Content of jointness in complicity in a crime. All-Russian criminological journal, 342—354, 2022. (In Russ.).

8. Shesler A. V., Shesler S. S. Jointness of the committed crime as a factor of complicity. Bulletin of the Surgut State University, 59—65, 2018. (In Russ.).

9. Telnov P. F. Responsibility for complicity in a crime. Moscow: Legal literature; 1974: 208. (In Russ.).

10. Schneider M. A. Complicity in a crime under the Soviet Criminal Law. Moscow: VYuZI; 1958: 98. (In Russ.).

11. Kukhtina T. V. On the issue of specifics of complicity. Bulletin of the South Ural State University. Series "Law", 58—61, 2009. (In Russ.).

12. Kosobrodov V. M., Trufanova Ye. G. Corruption conspiracy as a manifestation of necessary complicity. Law and Right, 215—220, 2024. (In Russ.).

13. Trufanova Ye. G. Qualification of the elements of complicity in corruption crimes. Legal science, 378—382, 2025. (In Russ.).

14. Kuznetsova N. F. Course of criminal law. General part. Vol. 1. The doctrine of a crime. Moscow: Zertsalo; 2002: 624. (In Russ.).

15. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. Crimes in the sphere of economic activity. Monograph. Moscow: Educational and consulting center "YurInfoR"; 1998: 296. (In Russ.).

16. Rarog A. I. Problems to qualify crimes based on subjective factors. Monograph. Moscow: Prospect; 2016: 232. (In Russ.).

17. Lopashenko N. A. Combating Russian corruption: validity and sufficiency of criminal legal measures. Investigator, 35—40, 2009. (In Russ.).

18. Usenko A. S., Seityagiyaeva D. A. Topical problems of qualification of bribery, the subject of which is intangible benefits. Bulletin of Economics and Law, 70—78, 2024. (In Russ.).

19. Petrasheva N. V., Vakulenko N. A. Improving criminal-legal measures aimed at combating cor-

блага // Вестник экономики и права. 2024. № 98. С. 70—78.

19. Петрашева Н. В., Вакуленко Н. А. Совершенствование уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с коррупцией // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 236—239.

20. Стрельников К. Н. Материальные выгоды как предмет коррупционной сделки // Научные достижения и инновационные подходы: фундаментальные и прикладные аспекты: сб. науч. тр. по материалам XI Междунар. науч.-практ. конф. (Анапа, 29 октября 2025 г.). Анапа: Науч.-исслед. центр экон. и соц. процессов в ЮФО, 2025. С. 30—39.

Стрельников Кирилл Николаевич,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;
polysszolotta@yandex.ru

ruption. Gaps in Russian legislation, 236—239, 2017. (In Russ.).

20. Strelnikov K. N. Material benefits as a subject of a corruption transaction. In: Scientific achievements and innovative approaches: fundamental and applied aspects. Collection of scientific papers based on the materials of the XI International scientific and practical conference (Anapa, October 29, 2025). Anapa: Research Center for Economic and Social Processes in the Southern Federal District; 2025: 30—39. (In Russ.).

Strelnikov Kirill Nickolaevich,
post-graduate student at the department
of Criminal Law and Criminology
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia;
polysszolotta@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2025; одобрена после рецензирования 27.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 27.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *